

Том Темплтон

врач общей практики

34 ПАЦИЕНТА

От младенчества до глубокой старости:
какие опасности поджидают на каждом из этих этапов

Медицина без границ. Книги о тех, кто спасает жизни

Том Темплтон

**34 пациента. От младенчества
до глубокой старости: какие
опасности поджидают на
каждом из ЭТИХ ЭТАПОВ**

«ЭКСМО»

2019

УДК 616
ББК 53/57

Темплтон Т.

34 пациента. От младенчества до глубокой старости: какие опасности поджидают на каждом из этих этапов / Т. Темплтон — «Эксмо», 2019 — (Медицина без границ. Книги о тех, кто спасает жизни)

ISBN 978-5-699-97394-1

Если бы 34 пациента, ставшие главными героями книги Тома Темплтона, ехали с вами в одном автобусе или стояли рядом в очереди на кассу в супермаркете, скорее всего, вы даже не обратили бы на них внимание. Для вас они остались бы обычными людьми, незнакомцами, маленькой частью такого большого мира. Но для доктора Темплтона их истории стали особенными и вдохновили его на написание этой книги. В ней вы найдете 34 рассказа — по одному на каждого из них, которые он расположил в хронологическом порядке от младшего пациента к самому старшему. Том Темплтон познакомит вас с маленьким Джонни, из-за генетических особенностей не способного насытиться едой, девушкой по имени Рейчел, отрицающей собственную беременность все девять месяцев, Луисом, пострадавшим из-за несчастной любви, миссис Эббот, дожившей до 103 лет, и другими пациентами. Вы еще раз убедитесь, что в практике врача не все истории — это истории про счастливое исцеление, а у доктора, несмотря на его опыт, может не быть ответа, почему произошло нечто по-настоящему страшное и несправедливое. В своей книге доктор Темплтон сам пытается разобраться, как, столкнувшись с хрупкостью и непредсказуемостью жизни, не разучиться радоваться ей, а, напротив, научиться ценить еще больше. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 616
ББК 53/57

ISBN 978-5-699-97394-1

© Темплтон Т., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие	7
От автора	10
Детство	11
Снег в мае	11
Роды под рэп	12
Голод	15
Кислород	20
Дипломат	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Том Темплтон
34 пациента. От младенчества до
глубокой старости: какие опасности
поджидают на каждом из ЭТИХ ЭТАПОВ

Посвящается Шивон, Оскару, Молли и Сэму

Жизнь коротка.
Гиппократ, 300 г. до н. э.

Жизнь длинна.
Еврейская пословица

Жизнь – это то, что происходит с тобой, пока ты строишь другие планы.
Джон Леннон

Tom Templeton
34 PATIENTS: The Profound and Uplifting Memoir about
the Patients who Changed One Doctor's Life

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London
Text Copyright © Tom Templeton 2019
The author has asserted his moral rights
All rights reserved

© Getty Images. Design by Dan Mogford.

© Ляшенко О.А., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Возможно, вы сидите в автобусе и смотрите на стоящую в проходе неопрятную женщину с фиолетовыми волосами, которая что-то бормочет себе под нос. Что с ней не так? Почему она разговаривает сама с собой? А что насчет мужчины среднего возраста, одетого в деловой костюм и играющего в Candy Crush на телефоне? Два месяца назад у него случился сердечный приступ, и теперь ему кажется, что каждое неприятное ощущение в груди – признак неминуемой смерти. Он не может сосредоточиться ни на работе, ни дома, его брак рушится – все потому, что он постоянно чувствует себя невыносимо уязвимым. Игра на телефоне – это попытка хотя бы ненадолго сбежать от проблем.

Мать, игнорирующая кричащего ребенка, думает о том, как она справится без своей мамы, у которой только что диагностировали рак яичника. Сердитая пожилая женщина с раздражающей сумкой на колесах только что оставила больного деменцией мужа с сиделкой, и теперь ей нужно сделать множество дел за тот драгоценный час, который у нее есть. Из-за стресса она становится все более забывчивой и боится, что тоже теряет рассудок. Парень с хипстерской бородой радостно кивает под песню, звучащую у него в наушниках. Несколько месяцев назад он обнаружил опухоль на яичке, но слишком напуган, чтобы обратиться к врачу. Он испытает облегчение, когда все же обратится к специалисту и услышит, что она доброкачественная. Еще несколько пассажиров едут ложиться в больницу или на прием к врачу. Почему водитель автобуса не торопится? Она вспоминает своего маленького племянника, умершего в этот день десять лет назад. Каждый, кого вы видите в автобусе, терял любимого человека.

А что насчет вас? Вы иногда потираете руку, сломанную в детстве, и прощупываете оставшийся выступ на кости? Ваш старший брат все еще лежит в психиатрическом отделении? Вам была проведена двойная мастэктомия? Вы думали о самоубийстве несколько лет назад? Ваша и без того напряженная жизнь стала невыносимой из-за пандемии COVID-19?

Вы тоже оказывались на границе между болезнью и здоровьем, и у вас тоже есть шрамы.

Что касается той бормочущей женщины, возможно, она не такая уж странная, как вы сначала подумали. Вероятно, мы все странные, все страдающие, все нормальные. Выгляните в окно. Идет дождь. Или светит солнце? Как здорово жить! Черт возьми, это ваша остановка, и дверь автобуса уже открылась. Быстрее! Вставайте и продолжайте жить своей жизнью.

В 1999 году я подрабатывал на летних каникулах в больнице Сент-Томас. Меня направило туда агентство по трудоустройству, и в то время я еще не интересовался медициной. Работа была рутинной и банальной. Сидя в викторианском кабинете с высокими потолками и видом на Темзу, я вносил данные о пациентах в компьютерную систему, относил карты и рентгеновские снимки в разные концы больницы, заваривал чай для медсестер. Я не особо хотел там работать и делал это только ради денег, которые должны были помочь мне продержаться несколько месяцев в университете, тем не менее больница быстро стала для меня поучительной средой. Все изменили пациенты. Это были люди из всех слоев общества: от бездомных до аристократов. Казалось, испытания, которые они проходили в больнице, стоили того. Кто-то умирал, кто-то был временно нездоров, а кто-то страдал хроническими заболеваниями. Кто-то кричал и плакал, а кто-то делал все, чтобы избежать проявления эмоций. Я не понимал многого из того, что происходило, но чувствовал, что все это очень важно и не похоже на повседневную жизнь.

Один пациент меня особенно впечатлил. Другие пациенты приходили и уходили (или умирали), но Джек¹ все лежал и лежал в больнице. Казалось, он всегда там был. Несколько месяцев назад он пошел выпить со своим партнером. Они решили сходить в популярный гей-паб в Сохо под названием «Адмирал Дункан». Радостные, в предвкушении приятного вечера, они вошли, не догадываясь, что молодой человек Дэвид Копленд оставил возле бара спортивную сумку. Пока Джек стоял в очереди, чтобы купить выпить, самодельное взрывное устройство, спрятанное в сумке и подключенное к дешевому будильнику, сработало. Бомба была начинена более чем 500 гвоздями. Погибли три человека, в том числе беременная женщина и ее нерожденный ребенок.

«70 человек пострадали», – писали на следующий день газеты. В Сент-Томасе я получил представление о том, что означало это «пострадали» для одного человека. Я не был на месте происшествия и не видел, как врачи не дали Джеку до смерти истечь кровью из культи. Я не наблюдал за тем, как Джек месяцами лежал в реанимации и как ему провели несколько повторных операций. Через два месяца после взрыва я увидел мужчину со шрамами на руках, калоприемником и ногой, оканчивающейся сразу после колена. Он неуклюже передвигался по больнице на костылях или в кресле-коляске.

Мы с Джеком болтали о футболе. Он с нетерпением ждал встреч с друзьями и семьей. Когда они уходили, у него всегда портилось настроение. Познакомившись с ним ближе, я узнал, что это было не первое испытание в его жизни. Он сказал, что за много лет до взрыва был в депрессии и зависел от алкоголя. Теперь он заново учился ходить, мучаясь от сильной боли, снижения слуха, депрессии и посттравматического стрессового расстройства.

Он пытался понять тот акт жестокости и его последствия для себя.

«Почему? – спрашивал он. – Почему это произошло со мной?»

На следующий день после происшествия организатора взрыва задержали и поместили в психиатрическую больницу. У него диагностировали параноидальную шизофрению и возможное расстройство личности. Через несколько лет Копленда перевели в тюрьму.

До того лета я считал Национальную службу здравоохранения скучным стерильным институтом. Ранее она ассоциировалась у меня с блеклой приемной терапевта, к которому я практически никогда не обращался. Та летняя подработка открыла мне глаза на то, как все обстоит на самом деле. Больницы – это гудящий улей боли, безумия, смерти, печали, искупления грехов и выздоровления. Когда камень падает в воды жизни, множество волн доходит до берега.

Через два месяца я вернулся в университет, покинув Джека, который на тот момент еще лежал в больнице. Позднее я стал журналистом газеты. Это была работа моей мечты. Мы делали репортаж и двигались дальше. Мне нравилась широта освещаемых тем и темп работы. Естественно, нам часто приходилось делать репортажи о человеческих страданиях. Когда в моей жизни стали происходить тяжелые события (психотический эпизод у подруги, смерть тети от рака яичника), я понял, что мне не нравится расстояние, с которого я освещаю человеческие страдания.

Однажды я шел по улице на обед и, заглянув в переулок, увидел парамедика², который пытался реанимировать мертвого человека. Это было шокирующее зрелище, несмотря на то, что подобное происходило в городе каждый день. После этого я все чаще стал думать о Джеке с его культей и костылями, ищущем смысл новой жизни. Я стал задаваться вопросом, можно ли найти причину всех этих страданий там, куда меня завела летняя подработка, – в медицине.

---

¹ Это ненастоящее имя, как и все остальные имена в этой книге. – Прим. авт.

² Специалист с медицинским образованием, работающий в службе скорой медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях; оказывает экстренную медицинскую помощь на догоспитальном этапе.

После того как в 30 лет я впервые вошел в лекционную аудиторию медицинской школы, я быстро погрузился в море информации о теле: названия всевозможных болезней, симптомы, которые они вызывают, факторы риска, необходимые обследования, вероятные исходы. Мы изучали причины и следствия сотен болезней на молекулярном, микроскопическом, статистическом, культурном, политическом и общественном уровнях.

Океан страданий, с которым имеет дело медицина, расширился и стал мне понятнее. Как и многие мои коллеги, я время от времени страдал синдромом студента-медика и убеждал себя, что испытываю симптомы заболевания, которое мы только что проходили. Я стал реалистичнее смотреть на предел наших знаний и возможностей лечения, а также на проблемы, связанные с лабораторными медицинскими разработками.

Когда я покинул лекционные аудитории и начал работать в больнице, грандиозные мечты о спасении жизней уступили место страху облажаться и случайно убить пациента. Ограниченные возможности медицины перестали быть теоретическими. Радость от работы меркла, когда я видел горе и боль. Даже в тех случаях, когда мы излечивали пациентов, я видел, как у них (их родственников, друзей и даже у нас, врачей) появляются свежие эмоциональные шрамы.

За десять лет обучения и работы мне повезло встретить тысячи пациентов из разных слоев общества и культур, которые страдали всевозможными физическими и психическими недугами.

Врачи – это священники общества: пациенты доверяют нам душу и тело. Истории 34 пациентов, от мертворожденного ребенка до 103-летней женщины, приподнимают завесу над жизнью. Мужчины, женщины и дети сталкиваются с предательством собственного тела, психологической хрупкостью, социальной депривацией и недостаточными возможностями медицины.

Я записал эти истории, потому что, даже если медицина не всегда исцеляет, необычайная способность людей терпеть, понимать и любить способствует своего рода искуплению. Граница между болезнью и здоровьем – это пугающее место, но смелый взгляд на жизнь оттуда может быть катарсическим. Мы можем вынести уроки из своих страданий и страданий других людей и использовать их, чтобы лучше понять жизнь.

Столкнувшись с хрупкостью и непредсказуемостью жизни, мы учимся радоваться тому, что имеем.

От автора

В этой книге рассказаны истории пациентов, с которыми я встречался, когда учился в медицинской школе и работал врачом. Истории расположены в хронологическом порядке от младшего пациента к старшему – таким образом, мой возраст и опыт работы в медицине возрастают по ходу повествования.

Все события, описанные в книге, произошли на самом деле. С кем-то из пациентов я встречался однократно, а с кем-то работал в течение долгого времени. Имена всех пациентов, родственников и коллег были изменены, как и другие характерные детали. Это было сделано, чтобы никто не узнал своих близких или даже самих себя. Любые совпадения с ныне живущими или умершими людьми, произошедшие в результате этих изменений, случайны.

В конце книги есть краткая информация о болезнях пациентов.

Детство

Снег в мае

Сейчас май, но город завалило снегом. Одетые в тонкие темно-синие медицинские костюмы, мы идем по двору и смотрим, как снежинки, мягко кружась, опускаются на землю, заглушая крики и шум города. Мы входим в невысокое серое здание из шлакоблоков и показываем удостоверения личности бледному мужчине в очках. Мы объясняем ему цель визита, и он, вздохнув, встает и ведет нас в холодную комнату. Открывает дверцу морозильной камеры и выдвигает металлический поднос, на котором стоит пластмассовый ящик размером с коробку для обуви. Он открывает крышку, и мы видим внутри мертвого младенца, завернутого в муслин. Его уши удивительно маленькие и низко расположенные, лоб выпуклый, а глаза слишком широко расставлены.

Мы смотрим на него десять секунд, они кажутся вечностью. Я думаю о том, как этот ребенок прожил 39 недель в утробе матери, но так и не увидел мир. Еще я думаю об игрушечной обезьянке, которая ждала его в кроватке, пока шли роды. Родители уже вернулись в пустой дом.

Мужчина слишком быстро закрывает крышку, возвращает поднос в морозильную камеру и закрывает дверцу. Мы проходим в более теплую комнату и, все еще дрожа, садимся. Нам дают журнал, куда мой коллега черной ручкой записывает дату, имена родителей, свое имя и причину смерти: «Врожденная аномалия».

У ребенка тоже есть имя, и оно там написано.

Мужчина забирает журнал у моего коллеги. Мы снова проходим через две двери и оказываемся в заснеженном дворе. Из-за снегопада больницу плохо видно. Как бы ни было холодно на улице, мне не хочется возвращаться в больницу, где множество матерей сейчас рожают.

«Снег в мае», – говорит коллега, качая головой.

Роды под рэп

Спустя 36 часов крики прекращаются, и все, кто присутствует в родильном зале, тоже замолкают. Мы с неонатологом только что прибежали на экстренный вызов. Здесь нет никаких источников света, кроме оранжевой лампы, из-за которой все происходящее напоминает праздничную сцену рождения Христа. Все присутствующие отбрасывают длинные тени. Молодая женщина в мешковатой футболке лежит на спине. Ее бледные ноги задраны кверху, а между ними виднеется крошечное фиолетовое лицо. Большие щеки покрыты первородной смазкой, глаза закрыты.

Ребенок не двигается. Не плачет. Не дышит. Все, что ниже головы, еще находится внутри матери. Он застрял между двумя мирами.

Справа от роженицы стоит ее подруга, нарядно одетая и ярко накрашенная по такому праздничному случаю. Она видит голову ребенка и смахивает слезы радости и облегчения. У нее в руке игрушечный львенок. Слева от роженицы, держа ее за руку, стоит светловолосая акушерка в голубом медицинском костюме. За ней – ее ассистентка, которая, пробыв в стране два года, отправляет большую часть зарплаты трем маленьким детям, оставшимся на Филиппинах.

Акушер-гинеколог в темно-синем медицинском костюме сидит на табуретке между ног роженицы. Частота сердечных сокращений ребенка была замедленной последние несколько часов, поэтому перед чередой схваток врач надрезала промежность матери, закрепила присоску вакуум-экстрактора на голове ребенка и помогла ей показаться на свет. Теперь присоску убрали.

Причиной, по которой нас вызвали, была замедленная частота сердечных сокращений, и теперь мы стоим в углу маленькой палаты у инкубатора. Красная согревающая лампа включена, а дыхательный аппарат и устройство для очищения дыхательных путей готовы, если вдруг младенцу, как только он родится, потребуется помощь.

Женщина вдыхает «веселящий газ», поступающий через лицевую маску. У нее на футболке написано: «Все умирают, но не все живут». Взглянув в ее карту, я узнаю, что ей семнадцать и это ее первые роды. У нее проблемы с психическим здоровьем. Об отце ни слова. Медицинские детали. Больше никаких подробностей.

На чьем-то телефоне играет ее любимый рэп, аккомпанирующий родам:

Когда звезды сияют ярко,
Мне до смерти страшно.
Я закуриваю,
Чтобы сделать вдох.

– Итак, я хочу, чтобы во время следующих схваток вы тужились изо всех сил, – говорит акушер-гинеколог.

– Я не могу, – отвечает мать, – не могу.

– Вы прекрасно справляетесь, – подбадривает ее врач. – Это последний раз, честное слово. Сейчас ребенок родится.

Акушерка старается разрядить обстановку:

– Вы хотите, чтобы я положила малышку вам на грудь, когда она родится?

Следует длинная пауза.

– Не сразу, – отвечает роженица.

Я смотрю на лицо женщины. Оно усталое, бледное и покрыто каплями пота.

Затем медсестра говорит практически умоляющим голосом:

– Я вытру ее! Будет здорово, если вы сразу же сблизитесь!

Мать еще раз вдыхает веселящий газ. Из ее правого глаза вытекает слезинка.

– Я не хочу сразу брать ее на руки, – говорит она.

– Я помогу, – говорит подруга. – Все будет хорошо.

– Я не могу, – отвечает роженица. – Я ее не хочу.

В родильном зале тишина. Все замерли. Лицо нерожденного ребенка в оранжевом свете выглядит впечатляюще.

Чертов джип
Не заводится с первого раза.
Мне не спится.
Ты в последний раз
Приносишь мне счет.
Я несу косяк,
А они – пистолеты.
Остается только надеяться.

– Схватки начались! – кричит мать.

– Хорошо, тужьтесь как можно сильнее, – говорит акушерка, крепко хватая роженицу за руку.

– Ты сможешь! – поддерживает ее подруга.

– Вперед! – говорит ассистентка.

Мать воет и стонет. Она пытается вдохнуть «веселящий газ», но ей так больно, что поднести маску к лицу не получается.

– Продолжайте тужиться, – говорит акушер-гинеколог, хватая шею ребенка и поворачивая ее, чтобы высвободить плечо. Кажется, целую вечность спустя показывается второе плечо, ребенок целиком выскальзывает, а остатки околоплодной жидкости выливаются на пол. Младенца передают акушерке, она растирает его полотенцем рядом с матерью, но та отводит взгляд. Подруга плачет, все остальные невольно улыбаются, но никто ничего не говорит.

Не бойся армии, идущей на нас.
Мы сражаемся вместе.
Я буду рядом до конца.
Не бойся армии, идущей на нас.
Мы сражаемся вместе.
Ты и я, до самого конца.

Новорожденную заворачивают в чистое полотенце и надевают ей на голову белую хлопковую шапочку. Она оглушительно плачет, и это прекрасно. Мы складываем реанимационное оборудование и выключаем красную согревающую лампу.

– Хотите ее покормить? – спрашивает акушерка.

Мать едва заметно отрицательно качает головой. Она смотрит на подругу, решительно отвернувшись от ребенка на руках у акушерки. Подруга гладит мать по бледному усталому лицу и говорит:

– Она прекрасна.

Мать отталкивает руку девушки и снова вдыхает «веселящий газ». Ассистентка забирает младенца у акушерки и предлагает новорожденной заранее приготовленную подогретую смесь из бутылочки. Ребенок с жадностью хватается ртом резиновый наконечник и начинает сосать.

Девочка еще связана пуповиной с матерью, которая до сих пор держит ноги на подставках и вдыхает веселящий газ.

Подруга подает матери игрушечного львенка.

– Почему бы тебе не дать ей его? – спрашивает она.

Мать качает головой. Несмотря на людей, столпившихся вокруг нее, она выглядит ужасно одинокой. Все снова замолчали.

– Она очень красивая, – говорит ассистентка, которая кормит ребенка. Нарочито нейтральным голосом она спрашивает мать:

– Вы уже решили, как ее назовете?

Я смотрю на мать и чувствую, что мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Она отнимает от лица маску с «веселящим газом» и воздухом. На бледном молодом лице читается страх. Она выглядит парализованной и впервые поворачивает голову в сторону ребенка. Она все еще не смотрит на свою дочь, но это уже прогресс.

– Ее зовут Лили, – отвечает она.

Мать делает глубокий вдох и с раздражением смотрит на оранжевую лампу. Ассистентка с младенцем на руках подходит чуть ближе.

Акушер-гинеколог пережимает и перерезает пуповину. Мы с коллегой уходим. Наша помощь ребенку не потребовалась.

Голод

Крики и плач, раздающиеся из коридора, при приближении Джонни становятся громче. Я различаю детский голос. «Дай песенку! Дай песенку!» – сначала говорит, а затем начинает реветь ребенок.

После заключительного рева в дверном проеме моего кабинета появляется большая детская коляска. Мальчик в ней в ярости выгибает спину, и золотистая панамка падает ему на глаза. Это выводит его из себя до такой степени, что он хватается панамку и вгрызается в ее поля.

В этот момент он замечает незнакомого взрослого, склонившегося над собой. Пухлый мальчик со светло-голубыми глазами замирает с панамой во рту. Его взгляд перемещается с меня на компьютер, диван, окно, затем снова на меня. Решив, что я не представляю большой угрозы, он снова начинает реветь и швыряет золотистую панаму в другой конец кабинета.

Его папа Уэйн, полный потный мужчина, сжимающий в руках серебристый рюкзак, опирается на коляску и искренне извиняется за опоздание. Я поднимаю панаму с пола, и папа Джонни вешает ее на одну ручку коляски, а на другую – свой рюкзак. Они висят там, как две планеты.

Маневрируя вокруг коляски, Уэйн раздевает Джонни, бормоча ему успокаивающие слова: «Вот так, Джонни, вот так». Затем он с трудом поднимает его.

Для своих трех с половиной лет Джонни явно слишком полный. Похоже, в нем килограммов 25, не меньше.

Уэйн ненадолго удерживает его в положении стоя, но ноги ребенка подгибаются – им тяжело выдерживать такой вес. Отец усаживает его на пол, и мальчик сразу протягивает руки, словно вратарь в ожидании пенальти или молящийся, обращающийся к богу. Он хныкает и смотрит на отца. Уэйн говорит: «Нет, Джонни, я ничего тебе не дам».

Он направляется к стулу у моего стола. Крики Джонни превращаются в оглушительный рев, сквозь стену шума изредка пробивается слово «папа». Подползая к отцу на ягодицах, он подпрыгивает всем телом, демонстрируя ярость.

Уэйн смотрит на меня, виновато отводит взгляд, поднимается и идет к коляске, где висит серебристый рюкзак. Джонни замолкает и, словно ястреб, следит за отцом. Уэйн достает из сумки два печенья. Теперь Джонни подпрыгивает от радостного возбуждения. Он хватается печенье и, урча от удовольствия, начинает его грызть.

Уэйн плюхается на стул у моего стола и, устало вздохнув, откидывается на спинку. Он выглядит измученным и очень маленьким по сравнению с моим огромным кабинетом. Он начинает плакать.

– Вы в порядке? – спрашиваю я.

Он кивает, не в силах ответить, и торопливо вытирает слезы рукой. У него молодое лицо, ему наверняка лет 20 с небольшим. Он брился сегодня, но пропустил участок на шее, и там видна рыжая щетина. У него умные проницательные глаза, золотой пусет в ухе и новые кроссовки, поражающие снежной белизной.

Джонни сидит на полу, у него во рту кусок первого печенья, второе зажато в правой руке. Его щеки измазаны, а молочно-белый живот, выглядывая из-под ярко-красного джемпера с надписью «Пупсик», растягивает резинку джинсов.

Он смотрит на меня с нескрываемым любопытством и недоверием. Я смотрю на него.

– Расскажите, зачем вы здесь, – говорю я.

Уэйн делает глубокий вдох и начинает рассказ.

Джонни родился в срок, с нормальными параметрами веса и роста. Девушке Уэйна не нравилась идея грудного вскармливания, поэтому она сразу начала кормить ребенка смесью из бутылочки. Однако через несколько дней после возвращения домой из больницы она заметила, что ему сложно сосать соску, и он стремительно теряет вес. Их снова положили в больницу, и пока врачи пытались определить, что с Джонни не так, его кормили через трубку, введенную в желудок через нос. Исключив наиболее распространенные причины подобных нарушений, врачи провели генетическое тестирование и обнаружили у Джонни редкое заболевание, называемое синдромом Прадера – Вилли³. Джонни было пять дней, когда врачи сказали его родителям, что заболевание неизлечимо.

– Мишель расплакалась, – говорит Уэйн. – Я даже пошевелиться не мог, у меня совсем не было сил. Нам понадобилось немало времени, чтобы прийти в себя.

– Неудивительно, – отвечаю я.

– Врач сказал, что шок – это нормальная реакция на такие новости, но мне кажется, что Мишель так и не смогла этого принять, – говорит он, качая головой.

– Где она? – спрашиваю я.

Его лицо мрачнеет.

– Она умерла от рака, – отвечает Уэйн.

– Мне очень жаль, – говорю я. – Как давно?

– Полтора года назад, – отвечает он. Когда он говорит о Мишель, чувствуется его напряжение.

– Как вы справляетесь? – спрашиваю я.

– Нормально. У меня ведь есть Джонни, – отвечает он, с гордостью глядя на сына. – У нас все хорошо, да, Джонни?

Тем временем Джонни грызет второе печенье, и ему нет до нас никакого дела.

– Проблема в том, что во всем остальном врачи оказались правы.

– Например?

– Они сказали, что сначала Джонни потребуется помощь в кормлении, потому что у него нет мышц, чтобы делать это самостоятельно, но потом, когда станет достаточно большим, чтобы есть без помощи, он будет постоянно голоден и с этим ничего нельзя будет сделать. Еще они сказали, что я обязан не дать ему располнеть и «наесть» проблемы со здоровьем. Посмотрите на него! – говорит он, указывая на сына. – Похоже, я ничего не могу сделать правильно.

Джонни уже доел печенье и теперь облизывает облепленные крошками пальцы. Он смотрит на меня с любопытством и недоверием. Я смотрю на него. Генетический тест предсказал судьбу Джонни. Все мы знаем о будущем детей то, чего не знают они сами, но мне страшно видеть судьбу Джонни так ясно.

Где-то в запутанном микроскопическом танце генов Джонни произошла ошибка. Теперь железа размером с миндаль, расположенная в мозге в нескольких сантиметрах от глаз, вырабатывает химические вещества, из-за которых Джонни испытывает постоянное чувство голода и потребляет в пять раз больше калорий, чем нужно. Пять бананов вместо одного. Десять печений вместо двух. Пятнадцать рыбных палочек вместо трех. С момента пробуждения до отхода ко сну он ощущает всепоглощающее чувство голода. Он будет прожорливым всю свою жизнь.

Джонни сидит на полу, и его подогнутые ноги напоминают клешни краба.

Они выглядят очень гибкими, и щиколотки странно выгибаются.

Люди с синдромом Прадера – Вилли имеют замедленный обмен веществ и слабые мышцы – отсюда и трудности с кормлением новорожденных. Из-за всего этого повышается вероятность

---

³ Редкое генетическое заболевание, характеризуется грубыми конституциональными нарушениями, когнитивными и психическими расстройствами. Основные симптомы – ожирение, задержка роста и умственная отсталость, снижение мышечного тонуса.

смертельно опасного ожирения. Такие люди испытывают проблемы с поведением, интеллектом и фертильностью.

Джонни снова начинает подпрыгивать, умоляя о еде.

– Дай песенку! – кричит он отцу. – Дай песенку!

– Нет, Джонни, тебе не нужно печенье, – отвечает Уэйн.

Чтобы попытаться отвлечь ребенка, я беру коробку с игрушками. Джонни хмурится и кивает в ее сторону. Я хмурюсь в ответ, а затем резко улыбаюсь. Джонни выглядит удивленным, но вдруг тоже улыбается.

В моем кабинете есть игрушечная ферма с деревянными животными. Я достаю уточку. Чтобы забрать ее, Джонни подползает ко мне на ягодицах. Он пытается схватить утку, но я зажимаю ее в кулаке и отвожу руку.

Джонни неуверенно смотрит на меня. Я протягиваю ему сжатый кулак, а затем разжимаю его. Вот и уточка. Джонни хохочет. Теперь я быстро перекидываю утку из одной руки в другую и протягиваю ему два сжатых кулака. Поняв, что я задумал, он смотрит на кулаки и касается одного из них. Палец за пальцем я обнажаю пустую ладонь. Он смотрит на меня и быстро касается другого кулака. Я медленно разжимаю пальцы и показываю ему утку. Он смеется, забирает у меня игрушку и сует ее в рот для сохранности.

Теперь он хочет быка. Я игриво удерживаю его некоторое время, но потом отдаю игрушку Джонни.

Он увлекся деревянными животными, поэтому я могу вернуться к Уэйну, но замечаю, что Джонни протягивает мне кулак, из которого торчит бык.

Я не могу не засмеяться и беру у него игрушку.

Он широко улыбается.

– Му-у-у, – говорю я, размахивая быком.

Он достает утку изо рта.

– Кря, – говорит он.

– Итак, сейчас Джонни три с половиной, – говорю я Уэйну. – Как у него дела?

Уэйн делает глубокий вдох, словно предстоит пройти сложное испытание.

– У Джонни все очень хорошо. Да, Джонни?

Джонни, похоже, все равно. Он бьет ногами, словно хвостом, и держит в каждой руке по игрушке. Он центр собственной вселенной.

– Мы поем песни, ходим в парк, смотрим телевизор, едим. У Джонни проблемы со сном, поэтому он спит со мной. Меня это устраивает, но он будит меня очень рано, потому что просит есть.

– Вам кто-нибудь помогает? – спрашиваю я.

Лицо Уэйна искажает гримаса.

– Я не общаюсь с родственниками, – говорит он. – Мы разорвали отношения. Им не понравилась Мишель, и они вычеркнули нас из своей жизни. Когда она умерла, я так и не смог их простить. Я не хочу видеть их рядом с Джонни.

Он замолкает. Ему явно неприятно говорить на эту тему.

– Мама Мишель живет в Корнуолле, мы навещаем ее дважды в год. Я перестал общаться с друзьями. Те из них, у кого есть дети, не понимают особенностей состояния Джонни, а те, у кого детей нет... – он делает паузу и улыбается. – Они просто не понимают, что значит быть родителем.

– Детский сад?

– Пока нет.

– То есть вы каждый день проводите дома вдвоем? – спрашиваю я, боясь представить, каково это.

Он кивает.

– Похоже, у вас совсем не остается времени на себя, – говорю я.

Уэйн снова начинает плакать, и я пододвигаю коробку с салфетками к его краю стола.

– Простите, – говорит Уэйн, вытирая слезы. – Я люблю его, но мне тяжело.

– Я прекрасно вас понимаю, – отвечаю я.

– Он радует меня до тех пор, пока не выйдет из себя, становясь неконтролируемым, – говорит Уэйн. – Он начинает биться спиной о пол, и я боюсь, что он получит травму. Еще я боюсь, что скоро не смогу брать его на руки.

Мы смотрим на Джонни, который пытается дать мне деревянного быка.

Я закрываю глаза от страха, и Джонни начинает ругать быка за то, что он меня напугал. Затем он бросает его в дымоход пластмассового кукольного домика.

– Он может стоять? – спрашиваю я. – А ходить?

– С посторонней помощью, – отвечает Уэйн.

Я встаю и протягиваю Джонни руки, чтобы посмотреть, что он может делать. Он доверчиво хватается за руки. Я слегка тяну его вверх, а он в ответ напрягает ноги, упирается пятками в ковер и встает. Он переносит вес на ноги, но они слегка подгибаются. Мы успеваем сделать несколько шагов, прежде чем его ноги подкашиваются. Я хватаю его за бок, и мы не слишком изящно садимся на пол. В этот момент я почувствовал его вес. Уэйн взволнованно наблюдает за нами. Если он не научится ходить или не похудеет в ближайшее время, возможно, у него уже никогда это не получится.

Я снова протягиваю ему руки, и, несмотря на падение, он встает и позволяет подвести себя к весам с сиденьем. Он садится, и мы видим его вес: 31 кг. Это значительно выше нормы для его роста. Столько должен весить мальчик вдвое старше него.

– Я не знаю, почему он так быстро толстеет, – говорит Уэйн. – Я не кормлю его больше, чем нам рекомендуют диетологи, но если внимательно не наблюдаю за ним, он таскает еду с моей тарелки. Однажды мы были в кафе, и он стащил тост с тарелки постороннего человека. Та пожилая женщина подошла ко мне и сказала, что мне должно быть стыдно, потому что я плохо воспитываю ребенка. Тот случай остался у меня в памяти. Мне плевать, если меня считают толстым никчемным отцом, но если таким считают моего сына, мне хочется убить этих людей.

Я понимающе киваю.

– Я стараюсь изо всех сил, – говорит он, – но у меня сердце разрывается, когда он голодает. Я хочу, чтобы он был счастлив.

– Это всегда будет большой проблемой, – говорю я.

– Как бы то ни было, – говорит он, – я пришел сюда, чтобы узнать, есть ли лекарство.

Я немного удивлен.

– Лекарство?

– Да, я читал в Интернете о таблетке, которая избавит Джонни от чувства голода. Я знаю, что нельзя верить всему, что написано в интернете, – добавляет он тихо, видя сомнения на моем лице.

Я почти уверен, что такого лекарства нет. Это одно из заболеваний, требующих от человека огромных усилий и дисциплины, чтобы уменьшить неизбежный ущерб. Однако мне не хочется хлопотать дверью прямо перед носом Уэйна.

– Я не знаю о лекарстве, – говорю я, – но мы можем почитать о нем вместе.

Мы садимся у компьютера, и я просматриваю последние статьи о вариантах лечения. Как и следовало ожидать, несколько препаратов, ослабляющих чувство голода, сейчас проходят испытания, но ни один из них еще не доказал своей эффективности и безопасности.

– Простите, – говорю я. – Уверен, что врачи из стационара сообщат вам о лекарстве, как только оно появится. До этого момента мы будем помогать вам со всеми аспектами жизни Джонни: питанием, физиотерапией и обучением.

Уэйн тихо плачет, его плечи сотрясаются.

– Надежда погубит меня, – говорит он, взяв себя в руки. – Я не могу перестать верить, что однажды появится таблетка, которая волшебным образом все изменит.

Джонни видит слезы отца и огорчается. Он с большим трудом подползает к Уэйн и, желая его утешить, обнимает его за ногу.

– Все хорошо, Джонни, – говорит он, вытирая глаза рукавом. – Все хорошо.

Понимая, что не сможет посадить его на колени, Уэйн опускается на пол, чтобы обнять сына. Джонни кладет голову ему на грудь и утопает в отцовских объятиях.

– Простите, – говорит он, сидя на полу и обнимая Джонни. – В моей жизни все идет не так.

Он рассказывает мне о том, как терпел пьянство отца, видел, как бьют мать, подростком ушел из дома, съехался с девушкой, которая потом ему изменила, работал на фабрике, через несколько лет стал руководителем, получил травму плеча и уволился, был в депрессии, встретился с Мишель и по уши влюбился, стал отцом Джонни. А затем рассказал о раке, забравшем у него Мишель.

– Он лучшее, что есть у меня в жизни, – говорит Уэйн. – О большем я и просить не могу.

Я смотрю на Уэйна и будто вижу его впервые. Пухлое вспотевшее лицо, недобритая шея, напряженная от отчаяния. Врачи, сидящие в своих чистых кабинетах, просят его отказывать в еде единственному ребенку.

– Я могу еще чем-нибудь помочь? – спрашиваю я.

Он некоторое время молчит и отводит глаза.

– Да, – говорит он, уставившись на стену. – Дело в том, что я... начал встречаться с женщиной. У нас пока не очень серьезные отношения, но я хотел бы кое-что узнать, – он нежно закрывает уши Джонни руками и смотрит мне прямо в глаза. – Если я захочу иметь еще одного ребенка, будет ли он таким же, как Джонни?

Я качаю головой.

– Вероятность этого практически нулевая, – говорю я. – Заболевание Джонни – это удар молнии, совершенная случайность.

Джонни высвобождается из рук Уэйна, подползает к коляске и начинает рыться в серебристом рюкзаке в поисках еды. Уэйн убирает рюкзак из его зоны доступа. Джонни приходит в ярость и пытается ударить отца, но промахивается. Он падает спиной на пол и вопит, глядя в потолок и дрыгая конечностями. Он безутешен.

Уэйн пытается посадить его в коляску, тело Джонни обмякает. Он перестает плакать и кричать. Уэйн аккуратно опускает его на пол. Джонни смотрит на меня, подползает на ягодицах к кукольному домику и достает из дымохода деревянного быка.

Глядя на меня светло-голубыми глазами, он приближается ко мне и подает игрушку.

– Бу-у-у, – говорит он.

Я благодарю его, и мы улыбаемся друг другу.

Уэйн сажает его в коляску и надевает ему на голову золотистую панаму. Он срывает ее и швыряет в другой конец кабинета, Уэйн поднимает и убирает в рюкзак. В этот момент я замечаю татуировку на его предплечье: Мишель и две даты. Джонни снова начинает кричать. Я провожаю их до двери.

Я наблюдаю, как они двигаются по коридору и мимо приемной, где полно пациентов. Некоторые из них таращатся на Джонни и его папу с нескрываемым отвращением. Одна женщина качает головой. Крики Джонни стихают, когда автоматическая дверь клиники открывается и выпускает их на солнечную улицу. Джонни предстоит жить с постоянным чувством голода, а его отцу – не давать ему есть.

Кислород

Маленькой светловолосой девочке становится совсем трудно дышать к тому моменту, как она оказывается в отделении неотложной помощи. Мы видим это по движениям ее грудной клетки, напряжению мышц шеи с каждым вдохом и панике, отражающейся на ее лице. Я вижу страх в глазах ее отца, высокого светловолосого мужчины со вспотевшим лицом. Он только что вбежал в отделение неотложной помощи с ней на руках.

– У нее астма, – говорит он с акцентом. – Приступ очень сильный.

Я сразу веду их в реанимационную зону и указываю на каталку. Когда отец пытается ее уложить, девочка отказывается отцепляться от него.

– Папа! – говорит она со слезами на глазах.

– Все хорошо, – говорю я, аккуратно разжимая ее руки, обвивающие шею отца. – Как тебя зовут?

Медсестра Ники гладит девочку по волосам.

– Папа рядом, – говорит она и просит отца встать с другой стороны каталки, чтобы он не мешал нам работать.

– Ее зовут Сольвейг, – говорит отец. Он кладет дрожащую руку ей на плечо и, пристально глядя дочери в глаза, бормочет ей то, что мы не можем понять.

Это худенькая бледная девочка лет семи-восьми со стрижкой каре и острым носом. Ее грудная клетка поднимается и опускается так же быстро, как у птицы.

Паника заразна.

Дрожащими руками я закрепляю на ее пальце пульсоксиметр. Она срывает его, боясь, что будет больно. Я снова надеваю его и придерживаю до тех пор, пока она не поймет, что это не больно. Девочка не сопротивляется. Пульсоксиметр дает представление о процентном содержании в крови гемоглобина, насыщенного кислородом. Я приподнимаю верхнюю часть каталки, чтобы девочка полусидела, достаю детскую маску, подсоединяю к ней трубки, включаю максимальную подачу кислорода и надеваю ее на рот и нос пациентки. Перед тем как я надел маску, на мониторе пульсоксиметра появилось синее число: уровень кислорода в крови Сольвейг упал до 88 %. Это подтверждает то, о чем мы и так догадывались по ее поверхностному дыханию: она в большой опасности.

– Дай, пожалуйста, сальбутамол⁴ и ипратропиум⁵, – говорю я Ники, которая уже стоит у шкафа с лекарствами.

Благодаря кислородной маске уровень кислорода в крови ползет вверх и устанавливается на обнадеживающих 97 %.

– С нами ты в безопасности, Сольвейг, – это то, что я говорю, когда сам очень волнуюсь.

Врач-консультант занят другим пациентом, но к нам подходит Джо, самый опытный врач из тех, кто сегодня дежурит. Он спрашивает отца, что случилось.

– Мы... мы... мы приехали сюда из Швеции на отдых.

Его зрачки расширены от адреналина, лоб напряжен от страха.

– Ее астма усугубилась в последние несколько дней. Сегодня мы дали ей много... ну, знаете... этого...

Он пытается взять панику под контроль.

– Сальбутамол⁶? – спрашивает Джо.

– Да, сальбутамол, – говорит отец.

---

⁴ Бронхорасширяющий препарат.

⁵ Антихолинергическое лекарственное средство.

⁶ Бронхорасширяющий препарат.

В это время я слушаю легкие Сольвейг стетоскопом, и голоса окружающих у меня в ушах становятся громче. Я стараюсь абстрагироваться от голосов и сосредоточиться на звуках в легких Сольвейг. При каждом вдохе заметна тревожная нехватка воздуха, а также множество музыкальных тресков и хрипов, свидетельствующих о том, что маленькие дыхательные пути сужаются (спазмируются) и закрываются, блокируя проход воздуха.

Сквозь тихий треск и свист легких Сольвейг я слышу приглушенный голос ее отца. Он говорит, что астма усугубилась очень быстро. Я достаю стетоскоп из ушей, и голос отца становится четким и близким.

– Мы были в аквариуме за углом, и мне сказали, что больница находится через дорогу. Я сразу прибежал сюда.

Ники уже подготовила пластиковую камеру, наполненную двумя жидкостями. Она закрепляет ее между трубкой и маской на лице Сольвейг, и кислород начинает проводить лекарства в легкие девочки – это расслабит бронхи и поможет ей дышать.

– Она хочет быть морским биологом, – говорит отец, думая о чем-то своем.

Я замечаю, что он смотрит на детские рисунки на стене. Там изображены иллюминаторы подводной лодки, из которых видны разноцветные рыбки с выходящими из рта пузырьками.

– Я купил ей аквариум на день рождения. На следующей неделе ей будет восемь, – говорит он. Мужчина выглядит усталым, уровень адреналина в его крови падает. Он передал свою дочь нам, и теперь мы должны спасать ее. Сольвейг стаскивает маску. Я держу ее за руки, чтобы она этого не делала. Ей легко противостоять не только потому, что она маленькая, но и потому, что она обессилела. Это плохой знак. Небулайзер издает успокаивающий гул, направляя лечебные пары в легкие Сольвейг. Я чувствую, как у меня замедляется пульс. Смотря на поверхностные движения грудной клетки девочки, я надеюсь, что ее легкие смогут доставить лекарства в нужные места.

– Давай подготовим стероиды, – говорю я Ники, которая уже начала бросать крошечные таблетки в небольшое количество воды.

– Она уже попадала в больницу с астмой? – спрашивает Джо.

– Несколько раз, когда была младше, – отвечает отец.

– Она когда-нибудь лежала в реанимации?

– Один раз, когда была маленькой. Но сейчас ей семь, и последние несколько лет ей было гораздо лучше.

– Что обычно провоцирует приступы? – спрашивает Джо.

– О... – говорит ее отец, хмурясь. Глубокие борозды появляются у него на лбу, когда он пытается сосредоточиться. – Собаки, простуда, многое другое. Не знаю, возможно, загрязнение воздуха...

Нам почти нечего делать, пока мы ждем, когда препараты подействуют. Джо спрашивает отца Сольвейг о других проблемах со здоровьем, лекарствах, аллергии, семейных заболеваниях. Отец говорит, что у нее есть брат-близнец, страдающий сенной лихорадкой, но других болезней в их семье нет. Я смотрю на бледное умное лицо Сольвейг. Я представляю, как она, прижав нос к стеклу аквариума, изучает цвета, движения и жизнь экзотических рыб. Я представляю, как она лазает по деревьям со своим братом, стараясь его обогнать. Затем перевожу взгляд с лица Сольвейг на показатель содержания кислорода в крови. Он начинает снижаться с 97 до 96, а затем с 96 до 95. Я в ужасе.

Я снова смотрю на Сольвейг, чтобы понять, как она. Ее глаза закрываются, дыхание становится еще более поверхностным. Я опять прижимаю стетоскоп к ее груди. Теперь в легких циркулирует еще меньше воздуха, чем до включения небулайзера.

– Ей хуже, – говорю я.

Джо хватается стетоскоп, слушает и хмурится. Я нащупываю мышцу, идущую от шеи к плечу, и с силой щипаю ее. Девочка стонет и открывает глаза.

Джо погружен в мысли. Это ненормально, препараты должны сразу начать действовать.

Несмотря на высокую концентрацию кислорода, поступающую через маску, синее число на мониторе продолжает падать: 93, 92, 90, 89. В ее легкие не проникает достаточно газа, чтобы кислород попал в кровь в нормальном количестве. Если этот показатель продолжит снижаться, ее сердце остановится из-за недостатка кислорода, и девочка умрет у нас на глазах.

Через пять секунд раздумий Джо протягивает руку и нажимает красную тревожную кнопку на стене. Кнопка сразу загорается, и раздается сигнал тревоги: «Ди-да-ди-да-ди-да-ди-да».

Я бросаю взгляд на отца Сольвейг и жалею, что сделал это. Его кожа побелела, ни одна мышца не дергается. Он кажется застывшим.

«Ди-да-ди-да-ди-да-ди-да», – звучит сигнал тревоги.

Я смотрю на Джо, который измеряет пульс на запястье Сольвейг. Кажется, ему трудно собраться с мыслями. «Черт возьми, – думаю я, – он здесь самый опытный».

Сигнал тревоги не смолкает: «Ди-да-ди-да-ди-да-ди-да».

Я пытаюсь немного подумать. Небулайзер все еще гудит, выдыхая лечебные пары, однако его звук уже не кажется мне успокаивающим. Похоже, пары идут скорее в комнату, чем в легкие Сольвейг, где они нужны.

Джо, похоже, думает о том же.

– Давайте возьмем мешок Амбу, – говорит он.

Ники берет прозрачный продолговатый мешок и подсоединяет к нему линию подачи кислорода. Мы меняем маску, и я сжимаю и разжимаю мешок. Теперь мы пытаемся искусственно вогнать насыщенный кислородом воздух в закрытые легкие девочки, а не полагаемся на ее вдохи.

Я сжимаю мешок медленно и сильно. Сопротивление велико, но часть газа все же попадает внутрь. Теперь я чувствую себя спокойнее, мне есть чем заняться. Я погружаюсь в мысли. Ее отец сказал, что обычно астма не усугубляется так стремительно? Может, приступ астмы – это просто совпадение? Вдруг произошло что-то еще? Я стараюсь думать о других вещах, быстро нарушающих дыхание людей. Тромб в легком? Девочка проглотила инородное тело, например, монетку? Показатель на мониторе падает с 93 до 92, а затем и до 90.

«Ди-да-ди-да-ди-да-ди-да», – продолжает раздаваться сигнал тревоги.

– Может, сделаем рентген? – спрашиваю я Джо, который тоже смотрит на показатель.

Он вздрагивает, будто мой вопрос подтверждает тот факт, что у нас может не оказаться времени на рентген, прежде чем ребенок перед нами умрет. Нам нужно оказать ей помощь, но в чем именно проблема?

– Она могла что-нибудь проглотить? – спрашиваю я отца.

– Что? – спрашивает он отвлеченно. Он здесь физически, но его мысли, кажется, летают за миллион километров отсюда.

– Могла ли она что-нибудь проглотить? – переспрашиваю я. – Конфету, монету или что-то в этом роде.

– Монету? – спрашивает он, сжимая руками край каталки и глядя на свою призрачно-белую дочь, которая едва дышит.

– Что угодно, – говорю я. – Могла она что-нибудь проглотить?

Я, однако, теряю уверенность в теории об инородном теле, поскольку слышал потрескивающие звуки в обоих легких, характерные для астмы. Скорее всего, при наличии инородного тела звуки были бы грубее или отсутствовали вовсе, верно? Отец Сольвейг застыл как вкопанный. Вероятно, он так и не понял, о чем я его спросил.

Хотя я с усилием сжимаю мешок Амбу, показатель на мониторе падает с 84 до 82. Глаза Сольвейг закрываются. Черт возьми, где же подмога?

Постепенно приходят люди. Сначала это другие молодые врачи, один из которых помогает Ники расположить на груди девочки датчики монитора сердечного ритма. У девочки есть пульс – слишком быстрый, но есть. Потом приходит женщина-анестезиолог, обученная сохранять спокойствие в ситуациях, когда все остальные сходят с ума.

– История? – спрашивает она.

– Астма, – отвечает Джо. – Без сознания, грудная клетка почти не двигается.

– Будем интубировать? – спрашивает анестезиолог.

Из ящика стола она достает набор, который понадобится, чтобы поместить трубку в горло Сольвейг. Затем берет у меня резиновый мешок и начинает его сжимать.

– Довольно сильное сопротивление, – говорит она.

Хотя она десятилетиями училась сохранять спокойствие, я слышу в ее голосе напряжение. Это слабый отголосок мысли о том, что некоторые люди – даже в хорошо оборудованных больницах развитых стран, даже маленькие дети, мечтающие стать морскими биологами, – не выживают.

– Нам нужна интубация, линия подачи кислорода и сальбутамол внутривенно, – говорит она.

Анестезиолог все взяла на себя. Я испытываю большое облегчение. Джо остается в изножье каталки. Номинально он руководит процессом, но на самом деле уже потерпел поражение. Другой врач берет канюлю.

Ники подходит к отцу, стоящему с другой стороны каталки, кладет руку ему на плечо и говорит:

– Вы хотите остаться, пока мы проводим процедуру, или присесть вот там?

Он застыл на месте, сжимая руками бортик каталки. Он не двигается и молчит.

– Она ела бутерброд, – вдруг говорит отец.

– Что? – спрашиваю я.

– Вы спрашивали, могла ли она проглотить что-нибудь. Она ела бутерброд.

– Бутерброд... – бормочет Джо.

– Ее дыхание стало затруднено до того, как она начала есть бутерброд, или после?

Он смотрит на нас, изо всех сил стараясь вспомнить подробности.

– После, – говорит он наконец.

Мы с Джо смотрим друг на друга, и возможное объяснение ее проблем с дыханием приходит нам в голову одновременно: анафилаксия. Нет ни сыпи, ни отека, но они иногда отсутствуют. Поскольку мы наконец понимаем, что случилось с умирающей девочкой, у нас есть решение.

– Ники, нужна внутримышечная инъекция адреналина. Раствор 1:1000, 0,3 миллилитра, – воодушевленно говорит Джо.

Ники сразу берет нужный набор, достает маленький стеклянный шприц и подает его мне.

– Мы должны сделать ей инъекцию, – говорю я ее отцу.

Ники спускает брюки Сольвейг, чтобы обнажить ноги. Я ввожу иглу в бедренную мышцу и впрыскиваю адреналин. Девочка настолько сонная, что даже не дергается. Анестезиолог вопросительно смотрит на нас, сжимая пластиковый мешок. Синий показатель на мониторе замер на 78–79 %, но хотя бы не падает. Сольвейг не вздрагивает, когда ей в руку вводят иглу. Не вздрагивает и ее отец, который застыл в одном положении, ухватившись за бортик каталки. Мы вводим внутривенно антигистаминный препарат и стероиды, предназначенные для устранения аллергической реакции. Затем вливаем жидкость.

Мы с Джо кое-что предпринимаем, полагая, что это сработает. Но сколько времени это займет? Возможно, мы все поняли неправильно, и это смертельный случай астмы.

– Получается, у нее обострилась астма, но ей резко стало хуже после бутерброда? – переспрашиваю я для уверенности.

– Думаю, что да, – отвечает отец.

В этот момент щеки Сольвейг немного розовеют. Она покашливает. Анестезиолог, продолжая сжимать мешок, слегка улыбается и кивает. Мы видим, что показатель содержания кислорода в крови начинает расти: 81, 82, 84.

Я не могу сдержать улыбку. Бросив взгляд на Джо, вижу, что он тоже улыбается. Отец Сольвейг все еще держится за бортик каталки, не сводя глаз с дочери. Я кладу руку ему на плечо.

– Теперь в легкие поступает больше кислорода, – говорю я.

Он остается замершим, а затем резко выдыхает, кажется сразу два объема легких.

Сольвейг снова кашляет, открывает глаза и смотрит на нас. Осознав странность ситуации, в которой она находится, девочка пугается, но замечает отца и протягивает к нему руки:

– Папа!

Он отпускает бортик каталки, нагибается к дочери, целует ее в щеку и шепчет в ухо слова, которых мы не понимаем.

Дипломат

Адриана сидит и угрюмо смотрит на свои большие кожаные ботинки, пока ее мать перечисляет все, что ее не устраивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.